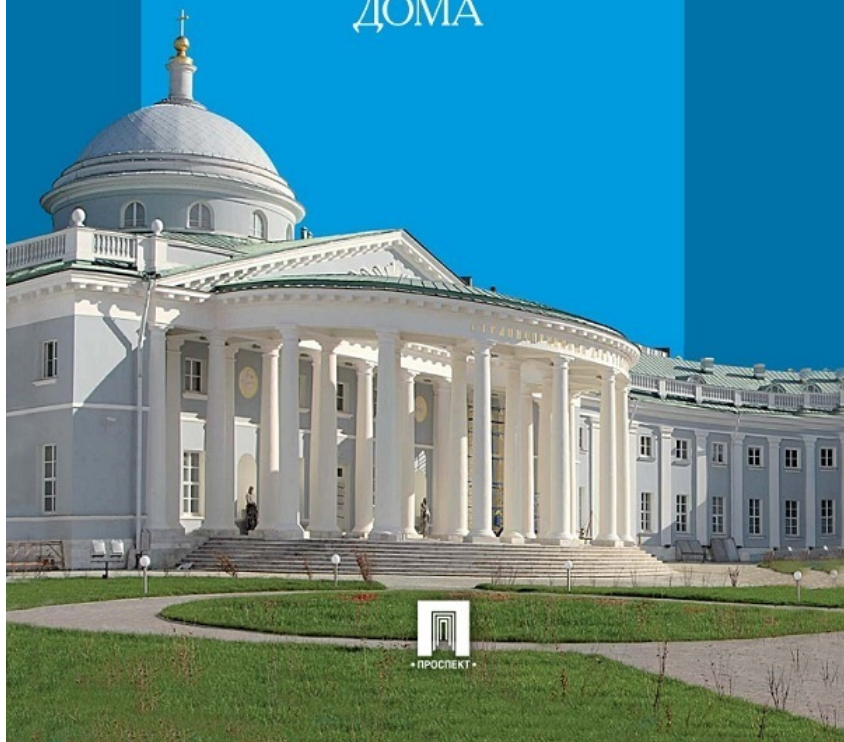

К 200-летию юбилею Странноприимного дома

Е. М. Алтайская, А. А. Булатникова, А. В. Малоземова

ИСТОРИЯ СТРАННОПРИИМНОГО ДОМА

ПРОСПЕКТ

Анна Витальевна Малоземова
Екатерина Михайловна Алтайская
Анна Александровна Булатникова
История
Странноприимного дома

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21556461
Издательство "Проспект"; 2014
ISBN 9785392162734*

Аннотация

Издание рассказывает о 200-летней истории Странноприимного дома: с момента основания в 1810 г. графом Шереметевым до настоящего дня. Странноприимный дом был одним из первых благотворительных учреждений в России для беднейших слоев населения – здесь лечили, давали еду и кров, помогали сиротам. Бесплатная амбулатория и лучшие специалисты способствовали росту популярности Шереметевской больницы среди москвичей. В XX в. на базе этого заведения возник Научно-исследовательский институт скорой помощи им. Н. В. Склифосовского, который благодаря передовым специалистам и технологиям стал ведущим медицинским центром России. Книга содержит редкие фотографии и богатый фактографический материал.

Содержание

Введение	5
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	75
Конец ознакомительного фрагмента.	92

**Е. М. Алтайская,
А. А. Булатникова,
А. В. Малоземова**

**История
Странноприимного дома**

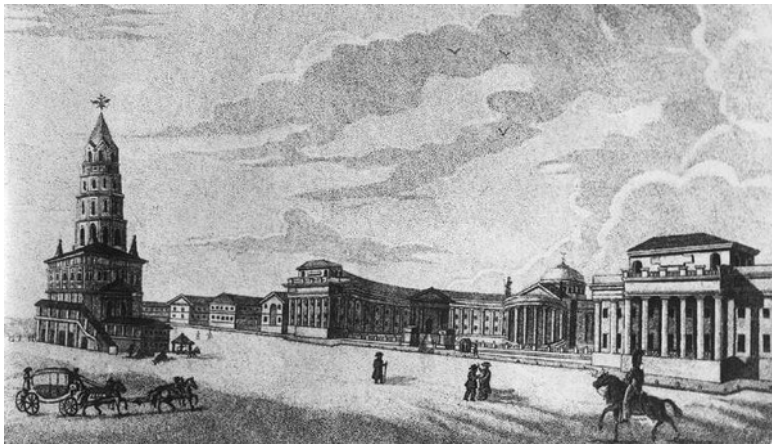

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Издательство «Проспект» сердечно поздравляет коллектив НИИ скорой помощи им. И. Б. Склифосовского с 200-летним юбилеем Странноприимного дома. Мы выражаем искреннюю признательность дирекции и сотрудникам Института за помощь в подготовке книги.

Введение

«И ДОКОЛЕ НЕ ПОМЕРКНЕТ СОЛНЦЕ...»

«Что же касается до людей здоровых, по каким-либо обстоятельствам впадающих во временную нужду и достойных вспоможения, то дело истинной благотворительности состоит в том, чтобы извлекать их из этой нужды и снова вводить в почтенное общество людей, добывающих себе хлеб своим трудом. Очевидно, что такая цель может быть

достигаема только разумным и достаточным назначением вспоможений», – писал в 1860 году замечательный врач Алексей Терентьевич Тарасенков, старший доктор Странноприимного дома, основанного в Москве графом Николаем Петровичем Шереметевым.

Учреждение, выполнявшее функции больницы и одновременно оказывавшее помощь людям, волею судьбы попавшим в затруднительное материальное положение, отмечало свой полувековой юбилей (двери Шереметевской больницы официально были открыты 28 июня 1810 года).

За это время сделано было немало: Странноприимный дом принял раненых под Бородино русских и французских солдат, справился с эпидемией холеры без единого случая заболевания этим недугом среди служащих, дал хлеб и кров воинам, искалеченным в Крымской войне. В историю Дома внесли свой вклад лучшие врачи, ученые, художники, архитекторы, не обошли его своим вниманием и венценосные особы государства Российского. Представители династии Романовых были знакомы с попечителями этого опередившего свое время учреждения и не раз принимали участие в судьбе рода Шереметевых.

И в последующем ни одно из значимых событий русской истории не обойдет стороной Странноприимный дом. На Балканах разгорится Русско-турецкая война – к театру военных действий направят сформированный в Доме санитар-

ный отряд, раненых солдат эвакуируют непосредственно в Шереметевскую больницу, а попечитель Дома граф Шереметев отправится в действующую армию вместе с наследником престола – будущим императором Александром III. Дальний Восток, ночью японцы без объявления войны нападут на русскую эскадру в Порт-Артуре – лазарет Общества Красного Креста тут же развернется в стенах Шереметевской больницы. Следом за этими событиями – декабрьское восстание 1905 года, Первая мировая война... Врачи больницы при Странноприимном доме будут оказывать медицинскую помощь всем, кто нуждается в ней.

Падет империя Романовых, исчезнет в Москве название Странноприимного дома графа Шереметева, но не изменится его суть – здесь, как и прежде, в любое время дня и ночи будут спасать человеческие жизни.

Уникальное медицинское учреждение отмечает в 2010 году свой двухвековой юбилей. Величественное здание, построенное в начале XIX века по проекту архитектора Кваренги, теперь отреставрировано, и заблестело золотом его исконное название – Странноприимный дом. За всю его историю их было несколько: в 1923 году Шереметевская больница была переименована в Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н. В. Склифосовского.

В годы Великой Отечественной войны НИИ СП имени Н.

В. Склифосовского, как и столетие назад, примет и вернет в строй тысячи раненых. Врачи Института будут консультировать своих коллег на передовой и проводить показательные операции.

Минует не одно десятилетие. Странноприимный дом обрстет современными корпусами, откроются новые клинические отделения. Врачи Института обогатят мировую медицинскую практику новыми способами лечения и хирургическими операциями, которые подарят шанс на новую жизнь некогда безнадежным больным. Их опыт станут перенимать, а за консультациями приезжать доктора со всей страны.

В день открытия Странноприимного дома, летом 1810 года, были произнесены пророческие слова: «И доколе не померкнет солнце, доколе будет существовать мир, дотоле будут неизменны благодеяния места сего».

В день двухсотлетия Института хочется пожелать ему именно этого – чтобы место, где любой человек в любое время суток может получить необходимую высококвалифицированную помощь, и дальше славилось своими достижениями, сохраняя прекрасное мастерство своих врачей и огромную практическую ценность своих научных разработок, определяющих развитие современной медицины...

Глава 1

ИСТОРИЯ МЕСТА

«Участь Москвы при всех событиях присоединялась к судьбе целого государства. Она участвовала во благоденствии и славе России, с нею же разделяла бедствия и унижения. Многие в Москве места, некоторые здания, сохранные святыни и разные вещи ознаменовались старобытными происшествиями и приводят их на память», – писал в 1820 году в посвящении своей книги «Обозрение Москвы» Алексей Федорович Малиновский, первый главный смотритель Странноприимного дома Шереметева. Подробно рассказывал автор «Обозрения...» и об окрестностях дворца милосердия, расположившегося на тогдашней городской окраине.

Территория, на которой в XIX веке был возведен Странноприимный дом Шереметева, была самым тесным образом связана с важнейшими эпизодами истории Российского государства и его древней столицы.

Первое название этой местности, известное еще со времен основания Москвы, – Кучково поле. Кучкою именовали полулегендарного боярина, на чьих землях, по преданию, и заложил новый город князь Юрий Долгорукий.

В XIV веке именно здесь произошло событие, почитаемое в православии как чудесное и во славу которого на поле были воздвигнуты стены Сретенского монастыря.

В 1395 году многотысячное воинство Тимура-Тамерлана,

самого грозного и беспощадного завоевателя со времен Чингисхана, продвигалось вглубь Руси, предавая все на своем пути огню и мечу. Уже пал и был разграблен Елец, а войска Железного Хромца стояли в верховьях Дона, приготовившись идти к столице. Великий князь Василий Дмитриевич – восемнадцатилетний сын Дмитрия Донского – собрал войско и занял оборону в Коломне. Московские жители спешно укрепляли посад рвом от Кучкова поля до Москвы-реки. Митрополит Киприан «для успокоения отчаявшихся» отправил во Владимир гонцов за иконой Богоматери, писанной евангелистом Лукой.

Алексей Федорович Малиновский

Под неусыпной охраной княжеских ратников образ Пречистой несли на руках от Владимира до Москвы почти две недели. 26 августа москвичи с надеждой и радостью ожидали появления процессии на дороге, идущей от Никольских ворот до Китай-города. Сретение (или встреча) иконы состоялось около церкви Преподобной Марии Египетской на Кучковом поле. Бережно поставили образ у деревянного храма, отслужили службу в честь его благополучного прибытия. Митрополит Киприан, князь Серпуховской Владимир Андреевич, московские бояре и остальные горожане коленапреклоненно молились Небесной Заступнице. Раздавались восклицания: «Мати Божия! Спаси землю Русскую!» После молебна святыню перенесли в Кремль, где поместили в алтаре Успенского собора.

Владимирская икона Божией Матери

В тот же день «передовые стражи скоро возвестили», что Тимур вместе с «тьмочисленными полчищами своими» повернул вспять: историки до сих пор теряются в догадках, почему великий завоеватель так внезапно оставил замысел нападения на Москву. Вскоре на месте обретения иконы был основан монастырь во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери. Ворота, у которых была встречен святой лик, стали называться Сретенскими, а улица – Сретенкой (а также Встретенкой, Устретенкой, Устретенской, Большой Устретенской улицей).

С тех пор каждый год 26 августа в память о дне, когда первопрестольная была спасена от Тамерлана, в Сретенский монастырь шел крестный ход из Успенского собора. Во времена написания «Обозрения Москвы» было еще два памятных крестных хода. 21 мая в обитель отправлялся крестный ход, заповеданный великим князем Василием Ивановичем после «сохранения безвредно столицы при obleжании ее крымским ханом Магмет-Гиреем». А 23 июня москвичи вспоминали 1480 год – день окончательного освобождения от татарского ига (этот крестный ход был установлен Иваном III).

Внутренне устройство Сретенского монастыря «Обозрение Москвы» описывает так:

«Церквей внутри ограды, отдельно построенных, три.

1. Соборная церковь во имя Божией Матери, Сретения на сем месте иконы Ее, из Владимира принесенной. Здание довольно высокое, о пяти главах, готической архитектуры.

2. Николая Чудотворца с приделами: один во имя Всех Святых, другой – Св. Димитрия, митрополита Ростовского. Сия церковь поставлена вдоль Сретенской улицы и не имеет никаких архитектурных украшений.

3. Преподобной Марии Египетской, внутри монастырской ограды. Низменная, одноглавая, в которой встречена была чудотворная икона Владимирская. Над святыми воротами колокольня осьмиугольная, невысокая, с полуколоннами. С трех сторон находятся игуменские и братские кельи».

Сретенская церковь, вначале деревянная, неоднократно перестраивалась. В 1471 году Иван III велел псковским мастерам сделать ее каменной. Оставшись недовольным возведенным храмом, царь приказал его уничтожить. В 1482 году вновь начались строительные работы – уже под руководством известного итальянского зодчего Аристотеля Фиоранти. Еще через два года здание было готово.

Сретенский монастырь стал средоточием русской духов-

ности и в последующие века не раз участвовал в знаменательных для державы событиях. Так, 29 октября 1552 года пред святыми воротами монастыря встречен был всенародно покоритель Казанского ханства Иван IV Грозный. В 1700 году думный дьяк Емельян Украинцев, русский посланник в Царь-граде, привез в обитель частицу мощей преподобной Марии Египетской (с грамотою иерусалимского патриарха Досифея о подлинности святыни).

В 1812 году в монастырь вновь была возвращена святая икона Владимирской Божией Матери. Московский викарий Августин, спасая святой образ, удалился с ним во Владимир, а после изгнания захватчиков из Москвы возвратил его в обитель и поставил в соборной церкви. 12 декабря 1812 года перед ликом Божией Матери было воспето многолетие императору Александру I. Москвичи молились об окончательном изгнании неприятеля – французских орд с земли русской.

В московских межевых книгах 1762 и 1768 годов сохранились наиболее древние сведения об участке, на котором был построена Шереметевская больница. «Огородную землю, что за Сретенскими воротами» первый царь из династии Романовых подарил своему двоюродному брату – князю Ивану Борисовичу Черкасскому. По имени владельца местечко получило прозвание «Черкасские Огороды» (тогда оно находилось за пределами Москвы). С востока «огороды» соседствовали со Спасской слободой, с запада – с будущей Мещанской слободой. Неподалеку начиналась старин-

ная Ярославская дорога, из столицы она вела в Сергиев Посад и дальше – на север. По ней отправлялись паломники, в числе которых были князья и цари, в Троице-Сергиевскую лавру, чтобы поклониться мощам преподобного Сергия Радонежского. По пути богомольцы останавливались у жителей «огородов»: еще во время царствования Михаила Романова в 48 дворах поселения жило 250 человек. От Красных ворот к Сретенским, названным так в честь соседства с монастырем, шел огромный земляной вал.

В 1671–1672 годах – после длительной русско-польской войны – недалеко от Сретенских ворот стали селиться выходцы из украинских, белорусских, литовских городов, оказавшиеся в России в качестве военнопленных. Так возникла Мещанская слобода (мещанами называли горожан – от славянских слов «место», «мисто», «място», то есть город). Дома первых поселенцев стали началом 1-й Мещанской улицы, современного проспекта Мира. Вскоре в столице образовались еще улицы с аналогичным названием. На 3-й Мещанской, в здании бывшего Карантинного двора, в 1775 году откроет двери Екатерининская больница с богадельней.

В конце XVII века на месте Сретенских ворот, возле стрелецкой слободы, уже строились ворота Сухаревой башни. Вскоре и княжеские владения стали называть «огород Черкасский, что за Сухаревой башней».

Свое название сооружение получило в честь полковника Лаврентия Сухарева, который командовал стрельцами, охранявшими Сретенские ворота Земляного города. В 1689 году при попытке мятежа царевны Софьи против брата, законного престолонаследника Петра I, полк Сухарева – один из немногих стрелецких полков – поддержал будущего великого императора.

Руководил строительством, начавшимся в 1692 году, зодчий Михаил Иванович Чоглоков. В нижнем этаже башни бы-

ли устроены проездные ворота, там же располагались и караулы. Второй этаж занимали палаты, вокруг которых шла галерея. В 1698–1701 годах появился и третий этаж, а над ним – четырехъярусная башня с часами. В палатах второго этажа разместилась первая в России школа математических и навигацких наук, созданная Петром I. А в верхнем ярусе башни была оборудована астрономическая обсерватория, где наблюдал звездное небо один из сподвижников царя – блестящий ученый-самоучка Яков Брюс (до сих пор на современном проспекте Мира под № 12 сохранился дом, где он жил).

В народе башню полюбили: стали в шутку величать Сухаревой барышней и просить выдать ее замуж за Ивана Великого – центральную колокольню Кремля.

В 1780-х годах у ворот башни разросся уже давно существовавший торг. Приобрести здесь можно было не только съестные припасы: торговали на рынке и старыми вещами, и – иногда – ценными художественными изделиями, и даже древними книгами и рукописями. Позднее Сухаревку и ее обитателей мастерски изобразил в своих заметках непревзойденный бытописатель Москвы Владимир Алексеевич Гиляровский.

В 1649 году на «огородной земле» построили церковь Преподобной Ксении. Этим именем звалась сестра первого владельца «огородов», а также мать основателя династии

Романовых, царя Михаила Федоровича. Храм был домовою: служили в нем от случая к случаю, по желанию князя. Прихожанами стали княжеские крепостные и жители Спасской слободы, в которой в те времена не было собственного храма. При Ксенинской церкви была и богадельня, где жили около полусотни состарившихся барских слуг. В 1654 году после моровой язвы в живых осталось 110 из 423 жителей «огорода». В Патриаршем приказе отмечалось: «За сретенскими воротами за земельным огородом церковь преподобной Ксении пуста, церковников нет и дворы их пусты». В 1689 году патриарх Иоаким дал князю Михаилу Яковлевичу разрешение построить новый деревянный храм с богадельней.

В 1722 году умер князь Алексей Михайлович Черкасский, дед основателя Странноприимного дома Николая Петровича Шереметева. Вдова его, княгиня Мария Юрьевна Черкасская (урожденная Трубецкая), в память о муже возвела новую церковь, освященную во имя Живоначальной Троицы, с тремя приделами – Святой Троицы, Святого Архистратига Михаила и Преподобной Ксении (при отстроенном храме также была устроена богадельня). Работы начались в 1743 году. В тот же год дочь князя и княгини Черкасских Варвара Алексеевна вышла замуж за графа Петра Борисовича Шереметева, «огороды» составили часть ее приданого. Храм Живоначальной Троицы в народе стали именовать на прежний лад Ксенинским. Богадельня продолжала существовать:

в 1790-х годах в ней получило приют пятьдесят человек (в основном челядь графа Шереметева). В 1796 году скончался Иосиф Иванов – последний священник Ксенинской церкви. В 1800 году по указанию митрополита Московского Платона храм был упразднен по причине ветхости. Вся церковная утварь и приход с 1810 года отошли новому храму Странноприимного дома, также освященному в честь Живоначальной Троицы.

Хронологическая таблица

1395 год, 26 августа	Встреча Владимирской иконы Божией Матери на Кучковом поле. В этот день Тамерлан повернул войска вспять и Москва была спасена. Вскоре на поле был основан Сретенский монастырь
1484 год	Сооружена каменная Сретенская церковь
1552 год, 29 октября	Встреча Ивана Грозного после взятия Казани у стен Сретенского монастыря
1649 год	На Черкасских Огородах выстроена Ксенинская церковь
1654 год	В результате эпидемии население «огородов» сокращается вчетверо. Церковь опустела
1671 – 1672 годы	Начало заселения будущей Мещанской слободы
1689 год	Разрешение патриарха на постройку нового храма с богадельней
1692 – 1695 годы	Строительство Сухаревой башни
1698 – 1701 годы	Сооружение третьего этажа башни и башенки над ним

1700 год	В Сретенский монастырь привезена Украинцевым частица мощей преподобной Марии Египетской
1743 год	Княгиня Черкасская строит новый храм Троицы в память о муже, умершем в 1722 году
1796 год	Умер последний священник церкви на Черкасских Огородах
1800 год	Храм упразднен
1810 год	Приход и утварь церкви переданы храму Странноприимного дома
1812 год, 12 декабря	Первый молебен перед возвращенной из Владимира иконой Божией Матери (после вторжения Наполеона)

Глава 2

СТРОИТЕЛЬСТВО ДОМА

Граф Николай Петрович Шереметев

«Во всех веках и у всех народов бедные люди, не имеющие способов к пропитанию, болезнями удрученные и от многочисленности семейств своих бедствующие, обращали на себя предусмотрительную внимательность государей и возбуждали сострадание избыточествующих граждан...» – писал императору Александру I в апреле 1803 года граф Николай Петрович Шереметев, внук сподвижника Петра I фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, под блистательным началом которого русская армия одержала победу в Полтавской битве. «Руководствуясь непреложными обязанностями закона Христианского и следуя побуждениям патриотического усердия, – продолжал он в обращении к государю, – издавна положил я за непременно учредить в Москве Странноприимный дом для содержания в оном на моем иждивении богадельни, состоящей из ста человек обоего пола и всякого звания неимущих и увечных и больницы на 50 человек для безденежного лечения в оной также всякого состояния бедных».

Фельдмаршал Борис Петрович Шереметев

Будущая Шереметевская больница – так назовут Странноприимный дом в народе – строилась в память о горячо любимой жене графа (в прошлом крепостной актрисе) Прасковье Ивановне, умершей в том же 1803 году, спустя три недели после рождения сына Дмитрия. Шереметев чувствовал,

что недолго проживет после невосполнимой потери (предчувствие оказалось пророческим), и в письме к императору упоминал о возможной кончине и действиях, предписанных в ее случае. Он желал, чтобы дом призрения стал памятником покойной супруге, которая и сама принимала участие в создании благотворительного учреждения. Открытие должно было состояться непременно 23 февраля, в день смерти Прасковьи Ивановны, с освящением Странноприимной церкви в честь Святителя Димитрия Ростовского и поминовением графини. В этот же день граф распорядился раздать 50 тысяч рублей «на милостыню и на всякие дела богоугодные, обществу полезные».

Старинный род Шереметевых был известен задолго до петровской эпохи – как ратными подвигами, так и добрыми делами. Еще во времена Ивана Грозного боярин Шереметев «истощил все свое имение» для бедных. Когда государь спросил его: «Куда девал ты свое имущество?», боярин отвечал: «Отпустил его с нищими на тот свет».

Герб рода Шереметевых

Решение Николая Петровича о строительстве больницы и богадельни при ней возникло не вдруг. Еще отец его, Петр Борисович Шереметев, в 1788 году перед самой смертью говорил о желании построить каменный «гофшпиталь» для бедных на «Черкасском огороде, что за Сухаревой башней» в Москве. Эти земли близ Сретенских ворот старый граф взял когда-то в числе прочего движимого и недвижимого имущества (включая имения Останкино, Марьину Рощу и

другие) в приданное за своей супругой Варварой Алексеевной: та принадлежала к богатейшей фамилии князей Черкасских, состоявших в родстве с Романовыми, и считалась в то время самой завидной невестой Москвы. В результате этого союза Шереметевы стали обладателями одного из крупнейших состояний империи. Впрочем, земное благополучие не затмевало вельможных мыслей о милости к ближним и спасении души. Спустя четыре года после кончины Петра Борисовича благодаря усилиям наследника его намерение начало обретать материальное воплощение: был составлен план строительных работ и заложен первый камень в основание будущего Странноприимного дома.

Алексей Сергеев, составитель книги «Обозрение Странноприимного дома графа Шереметева в Москве», вышедшей в 1843 году, отметил на ее страницах, что «время закладки здания и сопровождавшее оную торжество не известны, потому что бумаги, до этих обстоятельств относящиеся, утрачены в Отечественную войну 1812 года; впрочем, с уверенностью можно полагать, что все сие происходило около 1804 года».

Более ста лет, вплоть до 1954 года, не был известен день закладки здания. Когда же начались работы по восстановлению и реконструкции архитектурного памятника, под колоннадой храма Живоначальной Троицы на двухмет-

ровой глубине был найден тесаный камень, покрытый листом красной меди. На камне можно было прочесть:

1792 году июня 28 дня соорудитель сего граф

Николай Шереметев.

За медной пластиной скрывалась ниша. Там были найдены серебряные монеты (от пятикопеечных до полтинников) времен Елизаветы и Екатерины Великой.

Николай Петрович унаследовал от отца не только огромное состояние и завет о милосердии, но и великую страсть к театру, которой отдал дань сполна, прежде чем закончить богоугодное начинание, задуманное родителем.

Сам Петр Борисович был одним из первых создателей крепостного театра в России, сын его прославил домашний театр Шереметевых на всю империю. В имении Кусково, помимо уже открытых там Зеленого и Малого театров, молодой граф возвел еще один, а затем в усадьбе Останкино соорудил самое большое театральное здание той эпохи. Покровитель искусств, меценат, Николай Петрович водил знакомство со многими художниками, скульпторами, архитекторами. Особенно близкие отношения связывали его со знаменитым зодчим Джакомо Кваренги, которому он помогал в планировании строительства московского Художественного

музея, привлекал к проектированию сооружений в собственных усадьбах. Граф не жалел средств на поддержку молодых талантов. Однако средоточием его помыслов оставался театр.

«Он увлекался медициной и стремился к обществу врачей, следя за движением науки. Внешний лоск европейца не заглушал в нем русскую коренную основу. В нем был жив весь склад русского человека, с его обычаями и верованиями – с чистым исповеданием православия. Он рос в обстановке, перешедшей по наследству от восемнадцатого века. Его нянькою была крестьянка Екатерина Дедешина, доживавшая в доме свой век – уже в преклонных годах», – писал о деде внук графа Николая Петровича Шереметева, историк Сергей Дмитриевич Шереметев.

Едва приняв отцовское наследство, Николай Петрович позаботился о том, чтобы любому его крестьянину был обеспечен доступ к хозяину и возможность лично подавать ему свои прошения. «По природе вспыльчивый и горячий, он был бесконечно добр и доброжелателен», – отмечал С. Д. Шереметев.

Барин сам нередко принимал участие в музыкальных спектаклях: «брося гостей, садился меж холопов своих» с виолончелью (игра на этом инструменте «составляла главную

страсть его во всю жизнь»). Человек прогрессивных взглядов, проведший молодость в европейских университетских кругах, он чуждался сословных предрассудков. Уважительно относился к крепостным актерам, хорошо содержал их и даже платил им жалованье.

Разница в общественном положении не стала препятствием и для возникновения искренней привязанности к крепостной актрисе Прасковье Ковалевой-Жемчуговой. Романтическая история любви влиятельного вельможи и простой крестьянки даже вошла в фольклор. Почти все русские песенники начиная с 1819 года включали в свой репертуар «Песню кусковской крестьянки Параша Кузнецовой-Горбуновой», в которой рассказывалось о встрече едущего с поля барина с девушкой-крестьянкой.

Высший свет смотрел на подобный мезальянс иначе – с глубочайшим осуждением. По этой причине обвенчаться влюбленным, пусть даже тайно, удалось лишь спустя многие годы после начала романа.

Крепостная крестьянка Параша Ковалева, будущая актриса Жемчугова и графиня Шереметева, родилась в 1768 году в деревне Березники Ярославской губернии в семье кузнеца Ивана Степановича Ковалева (прозванного соседями и значившегося в подушном окладе как Горбун). Княгиня Марфа Михайловна Долгорукая, приживалка в графском доме, обратив внимание на необыкновенные певческие данные и на

приятную внешность девочки, взяла ее в семилетнем возрасте на воспитание в Кусково. Маленькую Парашу ждали многочисленные ежедневные занятия: изучение иностранных языков – французского и итальянского, актерского искусства. Будущие актрисы кусковского театра учились игре на музыкальных инструментах, пению и танцам у лучших артистов.

Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова, графиня Шереметева

У девочки оказался действительно прекрасный и сильный голос. Позднее граф Шереметев вспоминал: «Как никакое собрание не может быть равно и одинаково, то из числа тех девиц одна одаренная природными способностями блеснула более всех надеждою».

В одиннадцать лет Параша (в программе она уже именовалась Прасковьей Ивановной) дебютировала в комической опере Гретри «Опыт дружбы» в роли молодой служанки. Позже актеры получили красивые псевдонимы по названиям драгоценных камней: Прасковья Ковалева стала Жемчуговой и первую главную роль играла уже под новой фамилией. Выступления в опере Монсиньи «Беглый солдат» и героической опере Гретри «Самнитские браки» (она представляла на сцене юную самнитянку, возглавившую войско, чтобы защитить родину от завоевателей-римлян) стали настоящим успехом артистки Жемчуговой. В числе зрителей «Самнитских браков» были Екатерина II и Станислав Понятовски. За два-три года актриса стала необычайно известна. Публика валом валила на представления с ее участием, а театр приобрел небывалую славу.

Посвященная лишь искусству московская жизнь не могла продолжаться бесконечно. В 1796 году на трон взошел Павел I, чьим товарищем юношеских лет был граф Шереметев. Царь тут же призвал старинного друга на службу в Петербург, произведя его в чин обер-гофмаршала. Теперь в числе обязанностей Николая Петровича было «пробовать все блюда, назначенные к царскому столу». Уезжая из Москвы, граф забрал с собой лучшую часть труппы, включая приму Жемчугову. Теперь ей предстояло блистать на столичных подмостках и даже обрести нового поклонника своего дарования в лице самого императора: за исключительный талант ей был пожалован перстень. Однако взлет ее театральной карьеры был недолгим. В сыром климате туберкулез, мучивший ее с детства, обострился, и вскоре ей пришлось оставить сцену.

Доверенным лицом Шереметева в первопрестольной остался Алексей Федорович Малиновский. На него были возложены обязанности управляющего домовою канцелярией графа и поручено наблюдение за строительством будущего Странноприимного дома. Алексей Федорович был сыном протоирея Федора Малиновского, духовника Николая Петровича. Отец Федор также принимал участие в работах: вел переговоры с архитекторами, наблюдал за ходом строительства. А кроме того, утешал и ободрял прослышавших о сооружении бесплатной больницы и приходивших искать помощи страждущих.

Когда Малиновский приступил к обязанностям смотрителя, работы шли уже два года и была закончена левая часть корпуса (собственно богадельня) с церковью Живоначальной Троицы. Исходный проект здания и смета на строительство принадлежали бывшему крепостному архитектору Елизвою Семеновичу Назарову. Весьма способный ученик зодчего Василия Ивановича Баженова, он прошел обучение в его «архитекторской команде» при Экспедиции кремлевских строений. В 1798 году митрополит Московский Платон дал разрешение на постройку новой церкви – поскольку Ксенинский храм (так по-прежнему называли церковь на Черкасских Огородах) к тому времени пришел в ветхость. В том же году император Павел одобрил начинание Шереметева и дал разрешение продолжить строительство.

Этот год ознаменовался еще одним событием: видя ухудшающееся здоровье подруги, Николай Петрович решил наконец узаконить отношения с возлюбленной. В 1798 году граф Шереметев дал вольную Прасковье, а потом и ее семье, а спустя три года (уже после свержения Павла и воцарения на престоле Александра I) тайно обвенчался с актрисой. В записке, найденной в бумагах лучшей подруги Жемчуговой – Татьяны Васильевны Шлыковой (балерины графского театра, на сцене именовалась Гранатовой), было отмечено, что случилось это «в Москве, в среду 6 ноября 1801 г., в день святого Павла архиепископа Константиноградского в 7 часов по полудни на Поварской улице, в церкви Симеона Столп-

ника» (храм можно увидеть и в наши дни в центре Москвы). При тайной церемонии присутствовали князь Андрей Николаевич Щербатов, Алексей Федорович Малиновский, Татьяна Васильевна Шлыкова и Николай Никитич Бем, служащий домовою конторы Шереметева.

Венчался Шереметев уже с дворянкой Ковалевской: крепостной стряпчий Никита Скворчев тщательно поработал с архивом графа. Вскоре «обнаружились» нужные документы. Прасковья Ковалева теперь принадлежала к польскому дворянскому роду Ковалевских. В 1667 году в русский плен (по этим документам) попал Якуб Ковалевский. Потомки его позднее очутились в доме сподвижника Петра – генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева. Дополнительным свидетельством благородного происхождения Прасковьи стал медальон на золотой цепочке, подаренный ей графом. В нем хранился портрет ее названного отца.

Несмотря на личные заботы и дела, которые накладывала на него императорская служба, Шереметев не забывал о строительстве, ведущемся в Москве. По поручению графа Алексей Федорович Малиновский составил «Мнение о различных обстоятельствах, касающихся до создаваемого богоугодного заведения» (впоследствии этот документ был положен в основу шереметевской записки 1803 года – «Учреждение и стат Странноприимного в Москве дома... графа

Шереметева»). В том исследовании Малиновский решительно выступал за «принцип абсолютной бесплатности», высказав твердое убеждение в том, что «всякое доброе дело теряет свою цену, как скоро за исполнение его берется хотя малая плата», а «безвозмездность – главное свойство добродетели». Предварительно Алексей Федорович посетил Голицынскую больницу для бедных, расположенную на другом конце Москвы, за Калужской заставой (также построенной в память о рано ушедшей из жизни молодой женщине – Екатерине Голицыной, дочери молдавского господаря Дмитрия Кантемира). Устройство больницы поверенному Шереметева не понравилось. 5 мая 1802 года он написал графу: «Для жительства врачей и других смотрителей занято пространства немного менее половины главного корпуса, как будто не они для больных, а больные для них» (это наблюдение главного смотрителя будет учтено в «Учреждении и статье...» в разделах об обязанностях доктора, врачей и подлекарей). Он полагал более целесообразным организовать «странноприимницу» – богадельню на 100 человек. «...100 человек довольствуемы будут жилищем, пищею, платьем и всякими потребностями жизненными», – впоследствии напишет императору Шереметев (совместно с богадельней будет открыта и больница на 50 человек, еще одним важным направлением деятельности Дома станут различные «общественные вспоможения»). В одном из корпусов выделялась большая зала «для питания в ней обедами неимущих ежедневно до

50 человек»; другая зала отводилась для больницы.

Святитель Димитрий Ростовский, митрополит Ростовский и Ярославский, создатель «Четий-Миней» был почитаем в роду Шереметевых, а в особенности Николаем Петровичем, чьи годы жизни по странной случайности совпали с датами рождения и смерти святого с разницей в 100 лет (1651–1709 и 1751–1809). Кроме того, графскую фамилию сближал со священником тот факт, что до пострижения в монахи Даниил (будущий Димитрий) учился в Киево-Могилянской академии вместе с Борисом Петровичем Шереметевым.

В 1752 году в Яковлевском монастыре произошло обретение мощей святителя. Начались чудесные исцеления, о которых митрополит Арсений сообщил Синоду уже через три недели. Святейший Синод дал разрешение на постройку каменной церкви во имя святителя Димитрия при монастыре только в 1794 году. Строительство осуществлялось на средства Н. П. Шереметева зодчими Назаровым (он же первый архитектор Странноприимного дома), Мироновым и Душкиным – крепостными графа). Ежедневно в этом храме совершалась ранняя литургия для поминовения рода Шереметевых, а сам Димитровский собор до сих пор называют Шереметевским.

23 февраля 1803 года не стало графини Прасковьи Ивановны. Она скончалась от туберкулеза, оставив новорожденного сына и безутешного супруга. Перед смертью графиня попросила, чтобы ей принесли образ святителя Дмитрия Ростовского Чудотворца, и благословила им своих близких. На следующий день после смерти жены Шереметев без промедления поставил императора Александра в известность о своем браке и рождении сына. Царь признал маленького Дмитрия законным наследником. Церемония прощания прошла в узком кругу преданных друзей: в последний путь графиню провожали граф Николай Петрович, старый мудрый архитектор Джакомо Кваренги, друзья-актеры, да несколько почитателей таланта. Прасковью Шереметеву похоронили в Петербурге, в Александро-Невской лавре, в церкви Святого Лазаря. На могильной плите была высечена надпись:

Храм добродетели душа ее была,
Мир, благочестие и вера в ней жила,
В ней чистая любовь, в ней дружба обитала.

Современники вспоминали Прасковью Ивановну как необычайно способную актрису, очень доброго и отзывчивого человека. «В минуты обаяния, которое невольно охватывает вас при взгляде, приобретают весь смысл и все значение – и эта казавшаяся неправильность в овале лица; и эти глаза, равно сильные и нежные во взоре своей глубиной и

влажностью; и эта томность, близкая к слабости... Но в то же время смуглый колорит, готовый засвидетельствовать твердость воли и силу натуры» (Безсонов П. Прасковья Ивановна графиня Шереметева. М, 1872).

После смерти графини к строительству будущего Странноприимного дома привлекли архитектора Кваренги, чтобы тот превратил уже наполовину выстроенное здание в памятник замечательной русской женщине и прекрасной искренней любви, соединившей графа Шереметева и крепостную актрису. После смерти любимой жены Николай Петрович решил: Дом станет великолепным дворцом для нуждающихся в помощи, и существенно изменил проект здания.

Джакомо Антонио Доменико Кваренги

В «Переписке графа Николая Петровича Шереметева и его завещательном письме своему сыну» (изданной в 1896 году) можно было прочесть: граф нашел в будущей жене «украшенный добродетелью разум, искренность, человеколюбие, постоянство, верность... привязанность ко святой вере и усерднейшее богопочитание. Сии качества пленили меня больше, нежели красота ее; ибо они сильнее всех внешних прелестей и чрезвычайно редки. Они заставили меня поправить светское предубеждение в рассуждении знатности рода и избрать ее моею супругою».

Император Всероссийский Александр I (Благословенный)
В 1803 году граф с помощью верного помощника Ма-

линовского подготовил письменное обращение к государю, в котором просил оказать поддержку новому учреждению: освободить Странноприимный дом «от всяких обывательских повинностей», обеспечить охрану дома военным караулом, обязать Дворянское собрание Москвы всячески помогать учреждению и его деятельности, а всех, кто станет в нем работать, считать «в действительной Вашего Императорского Величества службе» и награждать их чинами, когда прослужат установленное законами время. Император Александр выполнил все просьбы действительного тайного советника и обер-камергера графа Шереметева и подписал «Учреждение и стат Странноприимного в Москве Дома...».

Кроме того, он обязал опубликовать данный документ на русском и немецком языках. Царский именной указ предписывал «издать его во всеобщее известие, чтобы ведомо было всем столь благотворительное заведение и благоразумный образ его устройства». «Образ устройства» заведения и вправду был весьма четким и продуманным – Малиновский и Шереметев определили всю его будущую деятельность на многие годы вперед. Были точно рассчитаны расходы, необходимые на содержание каждого работника и жителя Дома, выделены ежегодные суммы (22 тысячи рублей в год) на общественные вспоможения и непредвиденные расходы.

Также строго определялись обязанности всех обитателей Странноприимного дома. Главный смотритель, «ответственный за все», должен был не только следить за внутрен-

ним распорядком Дома, но и придирчиво отбирать будущих его жителей. Чтобы любой из них «не по одной токмо бедности, – как говорилось в указе, – но и по безпорочному своему поведению достоин был оказываемого милосердия, чтоб сие заведение отнюдь не послужило приютом праздности и чтоб наглый тунеядец не похищал от руки благодетельной то, что назначено отцу семейства». Тем, кого уже определили в Дом, также вменялось выполнять все предписанные правила поведения и «жизнь вести смиренную, миролюбивую и непраздную, удаляясь от всякого порока». В подчинении у главного смотрителя было три помощника: по экономической, исполнительной части и по общественным вспоможениям (при этом каждый год помощники должны были меняться своими должностными обязанностями). Видов пособий было пять: на замужество не имеющих приданого девиц (тех, кто получит помощь, определяли ежегодно в день памяти Прасковьи Ивановны – 23 февраля), помощь оскудевшим семьям, обедневшим ремесленникам, вклады в святые обители и церкви и так называемый предохранительный капитал для непредвиденных случайностей (пожара, «необычайной дороговизны» и т. д.). Доктор, в подчинении которого находились лекари и подлекари, обязан был лечить не только обитателей приюта, но и «страждущих вне Дома бедных», ежедневно посещать всех больных и разделять пациентов «по сортам болезней их», чтобы выздоравливающие не имели возможности заразиться.

Чтобы «Странноприимный в Москве дом» еще много лет мог оказывать помощь нуждающимся, Шереметев решил продать три своих дома (один в Петербурге, на Миллионной улице, два в Москве, на Воздвиженке и на Никольской), а «все вырученные из того деньги обратить в капитал, который бы вечно и неотъемлемо принадлежал заведению». Деятельность Странноприимного дома должны были поддерживать и доходы с имения в Тверской губернии – села Молодой Туд с деревнями (отныне потомкам Шереметева запрещалось продавать его). Так, за 100 лет до Альфреда Нобеля русский дворянин распорядился своим состоянием схожим с известным ученым образом, только назначил выдачу денежного вознаграждения не за выдающиеся способности, а за выдающуюся бедность.

21 апреля 1803 года, утвердив доклад графа о будущем Странноприимном доме, Александр отправил Шереметеву рескрипт:

«Желая ознаменовать отменное наше уважение к добродетельному Вашему подвигу в учреждении иждивением Вашим для призрения бедных и больных и доставить Вам залог той признательности, каковая в памятниках человечества и благотворительности всегда к учреждению сему сохранится, мы признали справедливым возложить на Вас орден Святого Владимира Большого креста Первой степени, установленный в награду изящных гражданских деяний. Препровождая к Вам при сем знаки сего ордена, удостоверены мы, что от-

личие сие тем более будет для Вас драгоценно, что оно будет сопровождено благословениями всех благомыслящих и отечественные добродетели чтущих».

Орденом Святой Анны Второй степени (с алмазом) был награжден Алексей Федорович Малиновский. Правительствующий Сенат получил императорское распоряжение о награждении графа Николая Петровича Шереметева именной золотой медалью и оповещении других русских городов о его разумных и по-настоящему необходимых действиях.

Изготовление медали было возложено на главного медальера Лебереха. На одну сторону поместили портрет Н. П. Шереметева. С другой стороны медали была изображена аллегория добродетели – женщина с пальмовой ветвью в руке. Алексей Сергеев в «Статистико-историческом обозрении Странноприимного в Москве дома графа Шереметева» описывал рисунок так:

«...В правой руке хлебных колосьев, в левой сосуда здравия, подавая бедной женщине с грудным младенцем, под видом колосьев, хлеб насущный; а других исцеляет, представляя дряхлому старику, сидящему на голом камне, сосуд здравия».

Сверху был расположен евангельский девиз: «Милосердова» (10:33, Евангелие от Луки), внизу – надпись «От Правительствующего Сената 1804 год». Но лишь в 1820 году медаль смогли изготовить и вручить единственному сыну Шереметевых – молодому графу Дмитрию Николаевичу.

В 1804 году граф Николай Петрович Шереметев уже написал духовное завещание. Он обращался к сыну – просил похоронить его там, «где любезнейший и драгоценнейший чувствам моим прах моей супруги, а твоей матери графини Прасковии Ивановны...» Говорил о том, что место для будущей могилы уже выбрано и приготовлено (обложено камнем). Сделана уже и могильная доска. Роскошной прощальной церемонии – как и величественного надгробного памятника – граф не хотел: просил, чтобы православный обряд прощания был более чем скромным. Не хотел и траура – просил близких обойтись без него: «...Траур виден на лице и в добрых поступках, ибо сердечное сокрушение человека часто на благие дела его направляет».

Позаботился граф и о строящемся Доме (в завещании указаны все суммы, определяемые на его содержание): «Сыну завещаю, наблюдая обязанность и должность истинного христианина во внимании к человечеству, страждущему в болезнях и бедствующему от несчастных приключений, иметь неунынное попечение о предписанном устрояемом в Москве Странноприимном доме, дабы оный навсегда существовал на твердом основании».

Достигнув совершеннолетия в 1824 году, граф Дмитрий Николаевич принял обязанности попечителя Дома и оста-

вался им еще 47 лет – до конца жизни (1871 год).

«Поставляя неусыпное об оном Странноприимном доме попечение делом богоугодным, – добавлял в завещании граф, – исполнять оное с истинным удовольствием». Завбота о Странноприимном доме становилась обязанностью всех последующих поколений Шереметевых.

В помощь Кваренги Шереметев пригласил других знаменитых мастеров: живописца Доменико Скотти, скульптора Гавриила Тихоновича Замараева, скульпторов Фортини и Кампиони, резчика по дереву Эрке.

В проект были внесены значительные поправки. С внешней стороны центра фасада теперь возводили полукруглую ротонду – из двух рядов белокаменных колонн. Фронтон предполагалось украсить «всевидящим оком» с лепным сиянием вокруг. В четырех нишах поместили скульптуры евангелистов Марка, Луки, Иоанна и Матфея.

Эскиз работы Кваренги

Архитектор позаботился не только о красоте, но и об удобстве строения: был спроектирован внутренний теплый коридор, чтобы жители Дома могли без затруднений перемещаться из левого крыла в правое. По рисункам зодчего строители возвели ограду Дома (расходы на работы составили 6100 рублей): 20 железных решеток укрепили между белокаменных столбов (на каменном же основании). Ворота из восьми колонн расположились в центре ограды. Зодчий подготовил рисунок для каждой детали – как внешнего, так и внутреннего облика Дома (карнизов, барельефов и т. д.), составил проект строительства для каждого из четырех флигелей: Сухаревского, Спасского, Главного смотрителя и Докторского.

Трудности начались, когда приступили к выполнению проекта. Кваренги не мог отлучаться из столицы (Петербурга) надолго; нужен был кто-то другой для наблюдения за строительством и воплощением в жизнь намеченных знаменитым архитектором целей. Руководство работами предложили первому зодчему – Е. С. Назарову, но тот отказался от выполнения нового проекта. Тогда граф решил прибегнуть к помощи крепостных архитекторов Миронова и Дикушина. Но зодчий Кускова Алексей Федорович Миронов был уже очень стар – здоровье не позволяло справиться с обязанностями. А помощник его, Григорий Дикушин, не обладал необходимыми способностями. В итоге Малиновский

пригласил нового заведующего стройкой – Франца Ивановича Кестнера (он принимал участие в строительном надзоре за Сухаревой башней). Алексею Федоровичу Миронову поручили готовить сметы и планы на работы. Сделанное он представлял на утверждение Малиновскому. Фактически главный смотритель долгое время сам заправлял всеми делами по возведению зданий. 23 мая 1804 года А. Ф. Малиновский писал Шереметеву: «... Сам редкий день пропускаю о всем своими глазами удостовериться». Протоиерей Федор Малиновский очень беспокоился за сына. В письме графу 21 марта 1804 года он сообщал, что тот, «будучи болен, томит себя делом по ночам и, не давши оправиться после болезни, ходит на строение». 22 мая 1804 года произвели закладку всех четырех флигелей.

Приступили к внутреннему облику нового храма Живоначальной Троицы. Правый придел его был освящен в честь Святителя Николая Мир Ликийских Чудотворца, левый – в честь Святителя Димитрия Ростовского. С западной стороны с церковью соседствовала колокольня. В скором времени там должны были зазвонить пять колоколов из бывшего Ксенинского храма.

Прославившийся своими росписями московских церквей итальянец Доменико Скотти на внутренней стороне купола церкви Живоначальной Троицы изобразил «Триипостасное Божество в славе», а под куполом – четырех евангелистов. Тридцать шесть икон – во всех трех иконостасах – также на-

писаны им.

В алтаре на горнем месте находилась большая картина Скотти «Коронование Богоматери», в царских вратах – шесть образов, принадлежащих его кисти (им же были украшены и все стены церкви). Эскизы всех лепных украшений – как в храме, так и на фасаде – были созданы Кваренги.

Воплотил замысел великого архитектора Гавриил Зама-
раев, лучший скульптор Первопрестольной. На боковых сте-
нах храма он же изваял два белых барельефа: «Воскреше-
ние Лазаря» и «Избиение Иродом младенцев». Его рукой бы-
ли созданы и все архитектурные украшения в столовом за-
ле, во впадинах над нишами, коленопреклоненные ангелы в
иконостасе. Шереметев был в восторге от искусства Замара-
ева и сверх обговоренной суммы в 100 рублей заплатил еще
400. Фигуры апостолов в 1817 году предоставил Дому скульп-

птор Фортини. «Воскресение Христово», написанное Николаем Аргуновым, крепостным живописцем Шереметева (автором портрета Прасковьи Ивановны), привезли в Странноприимный дом в 1808 году. Орнаменталист Кампиони работал над колоннами, расположенными перед трапезной и перед иконостасом. Художественной резьбой по дереву занимался Эрке. 10 июля 1806 года, по завершении основных работ, митрополит Московский Платон разрешил увенчать купол нового храма позолоченным крестом.

Одновременно со строительством велись работы по устройству будущего сада Странноприимного дома. Руководил ими Маннерс, останкинский садовник. Старые постройки сносили, стараясь не трогать деревьев, а на освободившемся пространстве высаживали новые растения. На месте древней Ксенинской церкви установили памятный знак – три (по числу престолов) каменные горки с деревянными крестами.

Дом еще не был открыт, а уже обращались к главному смотрителю Малиновскому за помощью неимущие москвичи (согласно записке Шереметева к дню открытия Странноприимный дом полагалось полностью укомплектовать). Как только опубликовали «Учреждение...», Алексею Федоровичу стали вручать прошения о денежной помощи или принятии в богадельню. До 1807 года он лично проверил многих просителей (опять же по инструкции, разработанной самим Малиновским и утвержденной Александром I), о чем

докладывал графу Шереметеву: «В течение трех лет многие бедные люди являлись ко мне с письменными и словесными просьбами о разных вспоможениях. Ни отказывать им, ни обнадеживать я права не имел, а записывал только для памяти имена их, а некоторых при удобном случае освидетельствовал». 28 октября 1807 года Малиновский сообщал Николаю Петровичу, что все работы по строительству здания «генерально проведены к окончанию», добавляя, что «красивость и прочность во всем строении такова, что для самой зависти трудно сыскать хулу». До начала работы больницы оставалось еще три года, но уже был назначен старший доктор: им стал шотландец Яков Вильгельмович Кир, проработавший впоследствии здесь 32 года.

В 1808 году Алексей Федорович направил графу в Петербург «реестр по алфавиту прозвищ». Каждое имя сопровождалось результатами его наблюдений – краткими сведениями о просителе.

Так, о вдове-полковнице Анне Римской-Корсаковой главный смотритель сообщал: «Стара; была в плену у черкес и там лишилась имения и детей, оттуда искуплена». Упомянув об отставном титулярном советнике Федоре Рейлисе, указывал: «Негодный человек, под судом за утайку денег, но жена и малолетние дети возбуждают к соболезнованию».

Были и те, кому Алексей Федорович помогал лично. «Единовременного вспоможения» просил семилетний «Беляев Василий Николаев, сын действительного статского со-

ветника, внук знаменитого морехода англичанина Беринга». Рядом с его именем Малиновский приписал: «Дитя мне известное, в котором по сиротству и неимуществу я интересуюсь. А. М.».

Шереметев заблаговременно, составляя завещание, позаботился о том, чтобы назначить попечителем Странноприимного дома генерал-майора Василия Сергеевича Шереметева (по причине доверия к известным ему добродетельным качествам Василия Сергеевича, «в том числе по скромному житию и бережливости от расточения, похвальному попечению о воспитании детей своих в добродетели и в благоправии и потому в несомненной надежде на добрые их, детей его, соответственно отцовским, качествам, а дабы все недвижимое навсегда осталось в роде Шереметевых...»).

2 января 1809 года граф скончался от сильной простуды.

*О, если Шереметев к дням
Своим еще прибавил веку...*

Так впоследствии напишет Державин.

Граф пережил жену всего на шесть лет. И, как и она, не стал свидетелем открытия Странноприимного дома. Но он оставил этот мир, будучи спокойным за свое дело: оно было в надежных руках соратников, которые позаботились о том, чтобы все его замыслы и благие намерения были воплощены в жизнь.

Впоследствии среди документов Дома, относящихся к 1810 году, было обнаружено стихотворение, поводом к которому стало получение автором «известия о болезни графа Николая Петровича Шереметева». Были в нем и такие строки:

*Ужель, Владыко мой, из множества несчастных,
Призренных милостью примерной под луной,
Нет десяти, грехам смертельным не причастных,
Которых мог бы вопль услышан быть тобой.
Как много есть сирот, которы с колыбели
Воззвали бы к тебе, взор устремив горе,
Когда б они о том понятие имели,
Что благодетель их страдает на одре.*

*Воздвигни хоть для них ты мужа благотворна!
Он много сделал им и делает добра;
Тебе, Бог благости, смерть лютая покорна:
Рцы слово – и твой раб воспрянет от одра.*

Граф Василий Сергеевич Шереметев

Новому попечителю приюта и больницы – генерал-майору Шереметеву – Малиновский вручил строительные отчеты за 1803–1810 годы и доложил «о готовности всего строения».

28 марта 1810 года прошло первое заседание совета по подготовке Странноприимного дома к открытию: были определены расходы на заведение аптеки и приобретение хирургических инструментов. Из графских домов – воздвиженского, останкинского, кусковского – доставили будущее убранство учреждения. Из Петербурга привезли портреты Николая Петровича и Прасковьи Ивановны.

Руководить обустройством дома стал опекун маленького графа Дмитрия П. Н. Духовницкий. Для богадельни были куплены железные койки с матрацами, обтянутыми тиком. Каждому призрешаемому полагались две тиковые перовые подушки, три перемены холщовых наволочек, один затрапезный халат. Позаботились и об одежде: женщинам выдавали по байковому капоту, три чепца, два платья. Мужчинам – сюртучные пары из холста, байки и сукна, а также пару колпаков.

В женском отделении больницы поместили Тихвинскую икону Божией Матери в серебряном окладе. Образ был чтим Шереметевыми. До того как икона попала в Дом, перед ней молились прихожане Ксенинской церкви. В богадельню (тоже в женское отделение) определили икону «Тайная вечеря» и Федоровскую икону Царицы Небесной (внизу на финифти было подписано: «Сей образ перешел из Ксенинской церкви в Троицкую, что в Странноприимном графа Шереметева доме»).

Из Ксенинского храма перешел в храм Живоначальной Троицы и образ Казанской Божией Матери: в нем хранилась частица мощей святителя Николая Чудотворца. Были в новом храме и образ святителя Димитрия Ростовского, и икона Святой Троицы (с тремя серебряными венчиками). В церкви

Дома появились первые святыни.

Незадолго до торжественного дня открытия Малиновский по завещанию Шереметева распределил деньги на вклады в храмы и благотворительные заведения. Помогли бедным, которым не хватило места в богадельне, невестам-бесприданницам, родственникам «на пристойное погребение бедных»; совершили «искупление из темниц» сидевших за мелкие долги. «Я не надеюсь ничем другим успокоить страждущий мой дух, – записано в напутствии Шереметева, – как только одним пособием для бедствующих, а потому, желая окончить давно уже начатое строение Странноприимного дома, сделал я предложение к устройству оно́го, отделяя знатную часть моего иждивения».

В завещании сыну Дмитрию граф сообщал, что учреждение дома милосердия было сделано «во взаимном и тайном согласии нашем с матерью твоею, еще при жизни ее, – облегчить страждущее человечество, а по кончине ее произведено в действо учреждением Странноприимного дома и разными вспоможениями бедным по ее завещанию».

Открытие учреждения состоялось 28 июня 1810 года (спустя 101 год и один месяц после того, как дед Шереметева одержал победу под Полтавой). На торжество пришло множество московских жителей разных рангов и сословий. Шумиха вокруг благотворительного заведения не утихала, в огромном количестве появлялись восторженные стихотворения. В одном из них основатель Дома сравнивался с самим

Творцом:

*Кто сирых милует и помнит о вдовах,
Кто мужа сим собой, отца тем заменяет —
Тот Богу в благости делами подражает,
Тот есть сын Вышнего, как говорит Сирах.*

Писатель Александр Дюваль прочел во Французской академии элегию «Обращение к тени графини Шереметевой» (в ней рассказывалось, как призрак супруги внушил графу мысль о благотворительности). На открытии Дома звучали «Стихи к благодетельному вельможе» (подобных им было тогда множество). Стихи же, посвященные Малиновским маленькому сыну Шереметевых Дмитрию, поместили в куполе новой церкви Странноприимного дома вместе с изображением (в виде одного из ангелов) маленького графа:

*В небесной славе здесь парящим по эфиру
Средь ликов ангельских твой вид изображен.
Живя между людьми, явишь собой ты миру,
Что к вечным истинам и дух твой воспарен.*

В середине девятнадцатого столетия художник Фартусов восстановил изображения в куполе храма – но уже без надписи.

Перед самым открытием – 24 июня – совет Дома впервые рассматривал просьбы бедных невест о назначении приданого (на этот вид помощи указала в завещании графиня Шереметева). Размер приданого для каждой из девяти отобранных девушек определял жребий. Одной досталась ты-

сяча рублей, двум – по половине этой суммы, шести – по 300. Совет назначил и дополнительное приданое – уже без жеребьевки: еще шести невестам по 200 рублей и десяти – по 100. Получить приданое можно было по предъявлении свидетельства венчавшего священника. В течение пяти лет девушка должна была вступить в брак – иначе утрачивалось ее право на приданое. Однако позже совет разрешил тянуть жребий и тем, кто не смог в пятилетний срок выйти замуж – при условии, что девушки были «по бедности и хорошему поведению достойными уважения, а летами еще молоды».

Почетные граждане Москвы получили более тысячи пригласительных билетов на открытие. В Доме уже находились все будущие богаделенные, все, кому было назначено пособие, все бедные невесты, которым доставалось приданое. Гостей и желающих увидеть торжественную церемонию было множество.

Во главе почетных гостей прибыл главнокомандующий – московский военный губернатор граф Иван Васильевич Гудович. Почтил Дом своим присутствием и преосвященный Августин (впоследствии митрополит Московский и Коломенский – именно он в 1812 году спасет святую икону Владимирской Божией Матери). Сопровождали его два архимандрита, два протоиерея и 13 священников. Ими был освящен главный храм Живо-начальной Троицы (придел Святителя Николая Чудотворца освятили уже 7 июня, а придел святителя Димитрия Ростовского Чудотворца – 27 июня).

Торжественную литургию служил также преосвященный Августин с прибывшими архимандритами, протоиереями и священниками.

Когда богослужение завершилось, настоятель храма Живоначальной Троицы отец Алексей Отрадинский обратился к присутствующим со словом на евангельский текст: «...Благодотворения и общения не забываюте, таковыми бо жертвами благоугождается Бог».

Он говорил о задачах открывшегося учреждения, где «тысячи больных и страждущих, сирых, бедных и беззащитных найдут себе покой и отраду, найдут возделенный призор, после которого не прольется ни одной слезы, кроме удовольственной и признательной, не услышится ни единого вздоха, кроме радостного и чувствительного, кроме искреннего и благодарного...».

Напоминал о необходимости помощи ближним – ибо способность к ней дана человеку создателем: «Нет вещи в сем мире, которая б в своем роде не была для других полезна, и нет вещи, которая бы нужного для себя в природе не обрела. Вселенная скреплена такою цепью, где ни одна вещь без другой обойтись не может; где каждое существо одно другому служить, помогать и споспешествовать сотворено».

Отец Алексей обращал внимание и на то, что доброе начинание графа Шереметева не исчезнет с течением времени. Памятью о нем и его продолжением станет сама деятельность Дома: «Были и есть сострадательныя души: многие любили странноприимство, помогали бедствующим, и ныне не без таких людей, которые расположены для ближних делать добро, но сии благодеяния суть или единовременны, или не продолжительны, пока существуют благотворители; между тем, как здесь всякой безмятежно проведет дни свои до поздней старости, и на спокойном ложе, с исполненным любви сердцем к Учредителю и с твердым упованием на Бога мирно закроет взоры свои, здесь в один год несколько немощных и расслабленных воспрянут от болезненных одров своих, и с благодарной душой отидут каждый в свое место. Здесь один получает себе пособие ныне, другой в непродолжительном времени... и доколе не померкнет солнце, доколе будет существовать мир, доколе будут неизменны благодеяния места сего. Можно пророчески сказать, что сие благодетельное заведение будет нарочитое уничтожение бедности и нищеты. И, если бедность есть иногда поводом к беззакониям и распутствам, то уменьшение оной есть пресечение пороков и умножение нравственности...»

Хронологическая таблица

1788 год	Граф Петр Борисович Шереметев объявляет о желании построить каменный «гофшпиталь» на «Черкасском Огороде». В тот же год его не стало
1792 год, 28 июня	Закладка Дома
1794 год	Начало строительных работ
1795 год, 28 апреля	Готова смета на строительство храма Живоначальной Троицы
1798 год	Получено разрешение императора Павла на строительство Дома и митрополита Платона на строительство церкви
1798 год, 15 декабря	Граф Николай Петрович Шереметев дает вольную семье Ковалевых
1801 год, 6 ноября	День венчания Шереметева и Ковалевой-Жемчуговой
1803 год, январь	Начало строительства правой половины здания
1803 год, 23 февраля	Кончина графини Прасковьи Ивановны. Кваренги вносит коррективы в проект строительства

1803 год, 21 апреля	Императором утверждены «Учреждение и стат Странноприимного в Москве дома...»
1804 год, 22 мая	Закладка флигелей Странноприимного дома
1806 год, 10 июля	Завершение основных строительных работ
1807 год	Доктором назначен Я. В. Кир
1807 год, 28 октября	Завершение всех строительных работ
1810 год, 7 июня	Освящение придела Святителя Николая Чудотворца
1810 год, 24 июня	Первое назначение пособий бедным невестам
1810 год, 27 июня	Освящение придела Святителя Димитрия Ростовского Чудотворца
1810 год, 28 июня	Торжественное открытие Дома и освящение главного храма Живоначальной Троицы

Глава 3

ФРАНЦУЗЫ В МОСКВЕ

«Погода была довольно хорошая; но странный ветер, усиленный, а может быть, и произведенный свирепствующим пожаром, едва позволял стоять на ногах. Внутри Кремля не было еще пожара, но с площадки, за рекой, видно было одно только пламя и ужасные клубы дыма; изредка кой-где можно

было различить кровли не загоревшихся еще строений и колокольни; а вправо, за Грановитой палатой, за кремлевской стеной, подымалось до небес черное, густое, дымное облако, и слышен был треск от обрушающихся кровлей и стен». Так описывал один из памятных сентябрьских дней 1812 года Василий Алексеевич Перовский, будущий генерал и видный государственный деятель, оказавшийся в плену у наполеоновской армии при ее вступлении в Москву.

Со дня открытия Странноприимного дома прошло всего два года, но уже увидел свет первый официальный отчет о его работе. Однако вскоре деятельность заведения на пользу общества должна была прекратиться из-за вражеского вторжения.

Уже через восемь месяцев работы «странноприимницы» «Московские ведомости», обязанные публиковать ежегодный отчет о деятельности Дома, сообщали москвичам, насколько успешно оказывают помощь в недавно открытом графом Н. П. Шереметевым учреждении: «Для надлежащего сведения обществу о благоуспешности сего заведения прилагается здесь краткая выписка, сколько со дня открытия Дома Странноприимного в течении осьми месяцев, то есть с 23 июня минувшего года по 24 сего февраля, содержалось в богадельне людей, коликое число лиц поступило в больницу.

1. В богадельне сего заведения довольствовано было жи-

лицем, пищею, платьем и всяческими потребностями разного состояния гонимых судьбою престарелых и неизлечимых: мужчин 64, из них умерло 6, уволено по приискании мест 4, выключено 6. Женщин 54, из них выключено 4. Затем к 24 февраля налицо богадельных обоего пола состоит 98 человек.

2. В больнице безденежно лечимы были всякого звания и возраста бедных мужчин 93, женщин 108. Из числа их умерло – мужчин 8, женщин 6. Выздоровело – мужчин 66, женщин 81. Затем к 24 февраля налицо больных состоит 40 человек».

6 и 18 июля 1812 года, спустя менее месяца после начала военных действий, в России вышли правительственные манифесты о наборе в народное ополчение по 16 губерниям. Более всего ряды волонтеров пополнились за счет жителей Москвы и Московской губернии (на 100 душ мужского населения здесь приходилось 10 добровольцев). Сотрудники Московского архива коллегии иностранных дел, одним из руководителей которого являлся главный смотритель Странноприимного дома Алексей Федорович Малиновский, также стали просить об увольнении «на время от дел архива для вступления во внутреннее ополчение Московских внутренних сил». 14 августа архиву разрешили отпускать в народные войска «желающих и служащих без жалования, без коих

обойтись может».

Присутственные места собирали казенное имущество, чтобы подготовить его к вывозу из Москвы. Монастыри и церкви отправляли за пределы города всю утварь, какую возможно было спасти.

Федор Васильевич Ростопчин

22 августа Малиновский объявил совету Дома, что по ордеру главнокомандующего Федора Васильевича Ростопчина ему дано поручение отправиться с архивом во Владимир. Вместе с государственными бумагами снарядили деньги и документы Дома и церковное убранство храма Живоначальной Троицы. В день Бородинской битвы – 26 августа – архив уже находился в городе Покрове Владимирской губернии, 27 августа прибыл во Владимир. Выполнение своих обязанностей по управлению Домом главный смотритель доверил первому помощнику Соймонову.

В августовские ночи, «которые в то время были светлые, – вспоминал ушедший в ополчение переводчик архива Михаил Евреинов, – тянулись большие обозы, на которых начали вывозить сокровища, ризницы и царские драгоценности, также достопамятные бумаги из Архива Иностранных дел».

В тот же день, когда Малиновский объявил о необходимости отъезда, проходило одно из последних собраний совета Странноприимного дома. В журнале заседаний от 22 августа было записано:

«Совет Дома Странноприимного, имев разсуждение, по примеру прочих присутственных мест, о мерах, какие бы принять в случае несчастном и в опасности от неприятеля, определил:

1) Имеющиеся под бельэтажем темные подвалы закласть кирпичом, положив там железный сундук с деньгами и что есть лучшего.

2) Дела и книги нужнейшие, уложив в сундук, туда ж поставить.

3) Чиновникам подлинные паашпорты и аттестаты поручно выдать для лучшего охранения.

4) Каждому из живущих в Доме позволить в те замуравленные подвалы ставить лучшее свое имущество в сундуках с надписью, кому что принадлежит.

5) Здоровых богаделенных отослать к родственникам и благодетелям, у кого известно, что таковые есть, а слабых и увечных оставить.

6) На случай, если необходима будет оборона против неприятеля, купить немедленно тридцать пик и раздать в свое время рабочим и прислужникам, могущим владеть оружием.

7) Сундук, где священником уложена утварь: два евангелия, два креста, дароносица, два кадила, три потира с прибором, ковши и ложка, отправить (и отправлено) с главным

смотрителем при делах архива иностранной коллегии, во Владимир препровождаемых.

8) Из числа наличных денег отдать пять тысяч рублей (и отданы) главному смотрителю за казенною печатью на сохранение и для доставления оных в Москву, когда от него востребуются».

В конце августа Новинский и Смоленский бульвары запрудили телеги с ранеными солдатами. В Доме приготовили 25 дополнительных мест для нуждающихся в помощи бойцов.

31 августа совет Странноприимного дома собрался в последний раз (следующее заседание откроется лишь спустя четыре месяца), к Москве уже приближалась французские полки. Члены комитета приняли решение о роспуске призреваемых: «...Больным и богаделенным объявить о выдаче их билетов, чтобы они каждый находили себе пристанище. Ибо, по случаю нынешних обстоятельств, Дом содержать их не может».

По слухам, некоторые богаделенные спаслись от нашествия в имениях графа Шереметева, где и жили до тех пор, пока Наполеон не оставил Москву.

До сдачи города оставались считанные дни, а многие москвичи все еще не покидали жилищ, до последнего надеясь на благоприятный исход. Так, автор «Истории государ-

ства Российского» Николай Михайлович Карамзин выехал из Первопрестольной 1 сентября – за несколько часов до вступления Бонапарта в Москву. Кстати, по окончании войны знаменитый писатель не однажды будет принимать экзамены у молодого графа Дмитрия Николаевича Шереметева и сделает запись в дневнике о том, что всегда с неизменным удовольствием видит и слушает юношу.

Огонь московских пожаров не пощадил огромную коллекцию книг, собранных историографом за всю жизнь. К счастью, рукопись знаменитой летописи осталась невредима. «Вся моя библиотека обратилась в пепел, но История цела», – сообщал о происшествии мыслитель.

Вечером 7 сентября Николай Николаевич Бантыш-Каменский (историк, оказавший огромную помощь Карамзину в написании «Истории», а также наставник Алексея Малиновского) получил предписание владимирского губернатора А. Н. Супонева перевезти архив в Нижний Новгород. Туда же направлялось множество присутственных мест. Через девять дней, 16 сентября, документы были уже в Нижнем.

В Нижнем Новгороде сотрудники архива встретили Карамзина. «Триумвират историков: Карамзин, Бантыш-Каменский и Малиновский каждый день беседовали о несчастьях отечества. И когда сомневался кто-нибудь в счастливом окончании дел, Карамзин пророчески указывал на кремль нижегородский, напоминая Минина и уверяя, что ка-

ковы были русские в 1612 году, таковы будут они и в 1812».

Тем временем Дом покинула большая часть его жителей. Попечитель, генерал-майор Василий Сергеевич Шереметев, оставляет вверенное ему учреждение, поскольку «надеется быть употребленным на составление военного ополчения в Нижнем Новгороде». Уходили в ополчение и рядовые сотрудники Дома.

В день входа французов в Москву, 2 сентября 1812 года, в «странноприимнице» находилось только 11 раненых офицеров, больных отправляли на лечение в Екатерининскую больницу. В богадельне обреталось 32 человека. Все меры, указанные советом, были приняты. Из тех, кто работал в Доме, остались канцелярский служитель Назаров, аптекарь Лорбеер (ему временно передал свои обязанности Петр Михайлович Бер), помощник аптекаря Гельвинг, швейцар, сиделки, прачки и рабочие. Помощника главного смотрителя Муравьева сменил надворный советник С. В. Протопопов. Доктор Яков Вильгельмович Кир направился на родину, в Шотландию (откуда вернулся лишь 8 июня 1813 года), передав свои обязанности штаб-лекару Крылову. Военный караул, охранявший Дом в соответствии с выполненной императором Александром просьбой Шереметева, ушел в действующую армию. За безопасностью Дома теперь следили сами его служащие. В храме Живоначальной Троицы богослужения не прекращались до тех пор, пока это было

возможно. Странноприимному дому предстояло испытать «все неистовства, какие токмо изобрести могут одни *просвещенные* французы». Так описывал пребывание неприятеля в Москве Федор Иванович Корбелецкий в своей книге «Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной, описанное с 31 августа по 27 сентября 1812 г. Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования», изданной в Санкт-Петербурге в 1813 году.

Напрасно ожидавший за городом депутатов с московскими ключами, Наполеон принял решение лично поехать за ними и оказался в Белокаменной во вторник, 3 сентября, въехав «в половине одиннадцатого часа утра в Дорогомиловскую заставу. Арбат был совершенно пуст». На улице Бонапарт увидел только содержателя одной из аптек и его семью, а также раненого французского генерала, «накануне к ним поставленного постоем». «Подъехав ближе, Наполеон посмотрел на них вверх весьма злобно», окинул быстрым взглядом весь дом, вновь бросил взгляд на находящихся у окна – и продолжил путь.

«Он сидел на маленькой арабской лошади, в сером сюртуке, в простой треугольной шляпе, без всякого знака отличия. В расстоянии ста сажень ехали перед ним два эскадрона конной гвардии. Свита маршала и других чиновников, окружавших Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота

мундиров, богатство оных, орденские ленты различных цветов – все сие делало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще разительнейшею».

(Источник: *Корбелецкий Ф. И.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву.)

«Победитель Москвы» приблизился к Боровицким воротам. За все это время он не заметил почти ни одного жителя.

«Негодование написано было на всех чертах Наполеонова лица». Император Франции даже не пытался скрывать происходившее в его душе. Спускаясь с лошади и взглянув на стены Кремля, он с насмешкой произнес: «Какие страшные стены!» «Удивительно, что он пренебрег обыкновенною своею комедиею и что не приказал поднести себе московских ключей, кем бы то ни было, для провозглашения потом пышной церемонии сей».

В ярости от ненависти и пренебрежения, встреченных со стороны русского народа, который предпочел «лучше уступить древнюю свою столицу его ненасытному честолюбию и алчности его орд, нежели преклонить перед ним выю», Наполеон приказал, чтобы во всех полках, «по очереди к грабежу назначенных, употреблять отборных солдат, вместе с офицерами, для доставления в Кремль съестных припасов всякого рода, и чтобы русских обоюго пола, не разбирая ни состояния, ни лет, употреблять для сего вместо лошадей».

Наполеон I Бонапарт

В Кремле Наполеон, окруженный своими маршалами и генералами, «взирает равнодушно на огонь, истребляющий мгновенно многие части города». Свита уверяла: «Это Ростопчин жжет Москву, а не мы». На главнокомандующего Москвы Федора Васильевича Ростопчина «изрыгались тьмы ругательств». В имении графа в селе Вороново нашли прикрепленную к церковной двери записку на французском языке: «Восемь лет украшал я это село, в котором наслаждался счастьем среди моей семьи. При вашем приближении обыватели, в числе 1720, покидают жилища, а я предаю огню дом свой, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы! В Москве оставил я вам два моих дома и движимости на полмиллиона рублей: здесь вы найдете только пепел».

Городская усадьба Ростопчина располагалась неподалеку от Странноприимного дома, на Сретенке – ныне Большая Лубянка, 14. Здесь записывали в ряды Московского ополчения... Сюда после Бородинской битвы привезли раненого генерала Петра Ивановича Багратиона.

Князь Петр Иванович Багратион

Можно было подумать, что со въездом Наполеона в Моск-

ву «самый огонь паче ожесточился и, соединяясь с сильным ветром (неразлучным своим спутником), истреблял вдруг то, что веками сооружаемо было. Пламя и ужасный ветер усугубляли свои силы (особенно 4 числа, в среду) для поглощения всего того, что только могло служить пищею или добычей неистовым врагам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.